

Он с силой вытер слёзы, но их было слишком много, они никак не останавливались, никак не кончались:

— Но зачем ты снова вернулся, зачем проявляешь ко мне заботу? Разве мы не договорились больше не связываться? Почему ты снова приказываешь мне не работать здесь... Что мне нужно сделать, чтобы дядя был доволен?

Шэнь Фан смотрел, как он плачет, и чувствовал, как его сердце сжимается от боли, будто вот-вот разорвётся:

— Нет, перестань плакать, я не... Я не это имел в виду!

— Я что, всё делаю неправильно? Может, мне вообще не стоило жить? Если бы я не сбежал из дома, было бы лучше? Я бы просто покорно исполнил их желание, позволил бы Чжоу Ванъяню поступить в университет вместо меня, и тогда все были бы счастливы, никому бы не доставлял хлопот.

Зрачки Шэнь Фана резко сузились, и он больше не мог сдерживаться:

— Замолчи! Хватит!

Он быстрыми шагами подошёл к нему, крепко обнял Шэнь Цинчи и, прижав его голову к своему плечу, сказал:

— Не говори больше такого! Это я ошибся, я никогда тебя не ненавидел, никогда!

Шэнь Цинчи уткнулся лицом в его плечо, вытирая слёзы об его одежду, и сдавленно всхлипывал:

— Тогда почему...

Почему?

Как он мог это объяснить?

Сказать — боялся напугать Шэнь Цинчи, не сказать — боялся, что он продолжит заблуждаться и снова начнёт говорить что-то вроде «мне не стоило жить».

Шэнь Фан закрыл глаза, его скулы напряглись от усилия, и, наконец, словно приняв решение, он с трудом произнёс:

— Не потому что я тебя ненавижу, а потому что... я слишком тебя люблю. Не потому что боюсь, что ты станешь для меня обузой, а потому что боюсь, что я стану обузой для тебя.

Произнеся это, он почувствовал, как хрупкое тело в его объятиях дрогнуло.

Шэнь Фан снова стиснул зубы, заставляя себя не продолжать объяснения, которые только запутают всё ещё больше. Он слышал, как его сердце билось — быстро, сильно, словно подавленный барабанный бой в ожидании приговора.

Он чувствовал, как дрожит, его тело было слишком напряжено, и он едва мог дышать.

Как отреагирует Шэнь Цинчи?

В ужасе бросится прочь или сбежит?

В голове Шэнь Фана царил хаос, пока человек в его объятиях не поднял голову. Он увидел, как Шэнь Цинчи шмыгнул носом, перестал плакать, и его тёмные глаза вновь засветились, словно драгоценная жемчужина, с которой стёрли пыль. Он услышал его слова:

— Правда?

Шэнь Цинчи смотрел на него:

— Дядя правда меня любит?

Шэнь Фан сглотнул:

— Ммм...

— Тогда почему ты не сказал мне раньше? Я не боюсь быть для тебя обузой. Сначала я стал обузой для тебя, а теперь ты для меня, разве это не несправедливо? — Шэнь Цинчи улыбнулся, его глаза сверкнули. — Я тоже люблю дядю.

Шэнь Фан...

— Дядя, ну что ты, если так, почему не сказал мне раньше? Как можно быть таким скрытным? — Шэнь Цинчи нахмурил свои изящные брови. — Что за слова нельзя было сказать? Больше так не делай, хорошо? Мне было очень грустно.

Шэнь Фан запнулся.

Его мозг на мгновение опустел, а затем он сдержанно рассмеялся.

О чём он вообще беспокоился? Ему следовало догадаться, что Шэнь Цинчи просто не поймёт, что он имел в виду под «любовью».

Он ожидал, что этот маленький глупыш что-то поймёт...

Его сердце, висевшее на волоске, наконец успокоилось, но так резко, что он почувствовал лёгкую опустошённость. Шэнь Фан задумался на несколько секунд, затем вздохнул:

— Хорошо, больше не буду.

— Прости, что неправильно тебя понял, — Шэнь Цинчи вытер слёзы с лица. — Но дядя, ты сегодня пришёл в бар... из-за меня?

— А... да, — Шэнь Фан уже не хотел объяснять, поэтому решил пойти на поводу у ситуации. — Хотел сказать, что положил грецкий орех в твой чемодан. Когда будет время, не забудь его потереть.

— Грецкий орех? — Шэнь Цинчи выглядел растерянным. — Грецкий орех в моём чемодане?

Шэнь Фан снова замолчал.

И он так переживал, что Шэнь Цинчи, увидев орех, начнёт думать лишнее, а оказалось, что этот ребёнок даже не заметил его?

Он почувствовал усталость:

— Ты не видел его?

— Я ещё не успел разобрать чемодан, оставил его в общежитии и пошёл к куратору, — смущённо сказал Шэнь Цинчи. — Правда, извини, если бы я увидел его, то не подумал бы, что дядя меня ненавидит.

Шэнь Фан уставился в пустоту:

— Ммм, ничего страшного.

— Может, я сейчас вернусь и посмотрю? — предложил Шэнь Цинчи. — Такая ценная вещь, а я даже не положил её как следует. Вдруг пропадёт?

— Уже поздно, завтра разберёшься, — Шэнь Фан не хотел продолжать разговор об орехе. — Кстати, насчёт той пуговицы, почему ты...

— Ты про это? — Шэнь Цинчи закатал рукав, обнажив красный шнурок на запястье. — Ты же сказал, что она ещё и для локации используется? И она ведь дорогая, выбросить жалко. Я подумал, что если дядя удалил мой контакт, то, вдруг захочет меня найти, сможет через неё меня отследить, поэтому...

Он замолчал:

— Только после того, как я её срезал, на одежде не хватает одной пуговицы — та, что была изначально, ещё есть? Дядя, можешь вернуть её? Я хочу пришить.

— Эээ... — Шэнь Фан вспомнил, как выбросил пуговицу в мусорное ведро, и его веко дёрнулось. — Я, кажется, случайно... выбросил её, когда убирался.

— Вот как... — Шэнь Цинчи выглядел разочарованным. — Тогда попробую найти похожую. Без одной пуговицы одежду ведь нельзя носить.

Шэнь Фан почувствовал странную вину:

— Это всего лишь одежда. Тебе что, нечего надеть?

— Дело не в том, что нечего надеть, просто эту одежду купили в прошлом году, она совсем не изнасилась. Выбросить её — разве не жалко?

Всего лишь одежда.

Молодой человек, проживший восемнадцать лет в богатой семье, сожалел о том, что выбросил одежду с одной недостающей пуговицей.

Шэнь Фан почувствовал жалость и не смог удержаться, чтобы не погладить его по голове:

— Чего жалеть? Её купили в прошлом году, а теперь она тебе уже маловата. Разве не лучше просто купить новую?

— Но я...

В этот момент в дверь комнаты постучали, и снаружи послышался голос Чэнь Циюя:

— Цинчи, вы закончили? Пора на работу.

— Сейчас иду! — Шэнь Цинчи показал Шэнь Фану жест «я выйду» и вышел из комнаты.

Шэнь Фан устало последовал за ним и увидел, как к нему подходит «никогда не упускающая возможности посплетничать» хозяйка Су, которая положила руку ему на плечо и тихо спросила:

— Помирились?

Шэнь Фан был без настроения и не хотел с ней разговаривать.

— Ссоритесь, а потом миритесь, и вы ещё говорите, что вы не пара?

Шэнь Фану было лень объяснять, он снял её руку со своего плеча:

— Пошёл.

— Куда?

— Домой.

— Домой зачем? Не будешь пить?

Шэнь Фан не ответил, быстро направился к выходу и вышел из бара.

— Уже ушёл? — Чэнь Циюй посмотрел на исчезнувшую в дверях бара фигуру и повернулся к Шэнь Цинчи. — Вы с ним поссорились? И почему у тебя такие красные глаза, плакал?

— Нет, всё в порядке, я умоюсь, — сказал Шэнь Цинчи и зашёл в туалет.

Взгляд Су Тин последовал за ним, в её глазах читалось ожидание, словно она ждала продолжения спектакля.

Этот ребёнок действительно не простой, смог так озадачить Шэнь Фана.

Она вспомнила одно растение — ландыш.

Белые цветы, маленькие и привлекательные, нежные и изящные, источающие сладкий аромат, всегда склоняющиеся, словно стесняясь.

Именно такой, казалось бы, безобидный цветок обладает сильным ядом.

Кто-то, вероятно, уже отравлен им, и спастись уже невозможно.

*

Шэнь Фан вернулся домой на машине и сразу поднялся на второй этаж.

Он со сложным выражением лица подошёл к мусорному ведру, присел на корточки и, посмотрев на него несколько секунд, достал выброшенную ранее пуговицу.

К счастью, в мусорном ведре было только несколько комков бумаги, и пуговица не успела запачкаться. Он отнёс её в ванную и тщательно вымыл.

Эта пуговица отличалась от обычных пуговиц на джинсах. Металлическая пуговица беломедного цвета была украшена прозрачным камнем, который под светом излучал мягкое сияние.

Перевод иероглифов:

Грецкий орех — грецкий орех.

Локатор-пуговица — локатор-пуговица.

Бар — бар.

<http://bllate.org/book/16296/1469660>